

Костюкевич Виктория
РАШЕН ЛАЛАБАЙ
Рэп

90-е

РАССКАЗЧИК. Дима живет в городе, город стоит на краю, но быстро догоняет центральную Россию. Показатели грязи, наркоманов и разборок радуют всех, кто за них назначен ответственным. День моряка, День рыбака, День тигра! В эти дни многие на Набережной ведут себя как животные и говорят «ррраааа»! В город приезжал и особо об этом не вспоминал Николай II, здесь же умер Мандельштам, через этот город, не оглядываясь, пронесся Чехов, а Фадеев поспешил уехать. Город лежит на берегу Японского моря, в которое много-много лет и спускает всю свою канализацию. Рыбы морщатся и перестают нереститься. Люди морщатся, но продолжают.

Что поделать, такие времена были темные. Особенно в подъездах. Электричества – хуй, воды – хуй, денег – хуй, зато от мистического не продохнуть. И тут и там шепчут «раз, два, три папа мама не умри», а гадают разве что не по цвету мочи. Никто не знает, как жить, а пожилые Бабки знают. Поскользнулся на выходе – жди смерти!

Наступил на люк и не постучал по себе три раза – жди смерти!» На каком слове чихнул, то и соврать хотел – а врать Бабке – к смерти! Курение «не в затяжку» приводит к раку губы и к смерти! Перешагнул через лежачего – к смерти! Ногами, сидя, закачал – к смерти! Бабки стареются, Бабки крутят колесо судьбы.

БАБКА. Алло! Вы что меня не слышите, я же вам уже говорила - сегодня неблагоприятный день. Магнитные бури. По «Доброму утру» сегодня передали. Просто переждите, не нужна вам никакая «скорая». Мужчина, хватит сюда звонить!

РАССКАЗЧИК. И, действительно, на следующий день больше никто не перезванивает. В определенный момент количество Бабок на душу населения резко выросло. В зависимости от региона на каждого молодого человека того времени приходится до пятидесяти Бабок.

БАБКА. План такой: горисполком посылаем в жопу. Всю власть советскую посылаем в жопу. Спаси и сохрани нас всех! Мы в каждом городе по церкви построим! Астрология, гадания, порча, сглаз, приворот – отворот, всё недорого.

РАССКАЗЧИК. С коммунистами настоящие Бабки никогда не дружили. А тех, старушек, что за коммунистов были, настоящие Бабки всегда презирали. Поэтому едва страна советов начала трещать по швам, Бабки поспешили ей в этом «помочь».

ЕЛЬЦИН. Я издал указ о поэтапной конституционной реформе, по которому Съезд народных депутатов и Верховный Совет должны прекратить свою деятельность. В этом меня поддерживали Совет Министров во главе с Виктором Черномырдиным и мэр Москвы Юрий Лужков.

БАБКА (*похлопывая президента по щеке*). Молодец Боренька, молодец. А теперь то же самое, только на радио повтори.

РАССКАЗЧИК. В том самом 1993 году жизнь Димы разделяется на ту, что с папой и сытая, и ту, что без папы и со сладкой вареной картошкой. Когда в школе на уроке истории рассказывали, как Петр I завез картофель, Дима думал, что тот его привез сразу вареным и сладким. Лучше бы завез пиццу. Родители Димы были не последними людьми в городе. Мама – официантка в центровом ресторане, а папа - охранник какого-то Баулы. Дима мог бы стать в классе самым крутым. Если бы не был лохом.

ДИМА. Привет, Пацаны.

ПАЦАНЫ. Здорово, лошара.

ДИМА. А знаете, что? У меня на балконе, прямо сейчас лежат автоматы, патроны и гранаты!

РАССКАЗЧИК. Гранаты с патронами и правда лежали. Его отца за эти самые гранаты, патроны и автоматы, а еще за длинный Димин язык и посадили. Как потом сказали, что «настучал кто-то из школы».

ПАПЫ ДИМЫ. Здравствуйте, дорогие. У меня все хорошо. Всего хватает, братва помогает. Через полгода сможете приехать на свидание, Не скучайте. Зима, лето – год долой, четыре Пасхи и домой. Обнимаю, ваш папка.

РАССКАЗЧИК. Свидания не случилось. Через неделю после первого письма Папу Димы находят в хозблоке с заточкой в горле. А Дима, сразу понимает, кто тот стукач из школы и перестает говорить в принципе. Денег становится так мало, что мама раз в неделю отправляет Диму в хлебный отдел высматривать мелочь. После известия о смерти папы, Мама Димы бежит по комнате и режет ножницами мебель, шторы и свои платья.

МАМА ДИМЫ. Сука, сука, сука, блять, сука, сука, сука, блять, сука, сука, сука, блять! Сука, сука, сука, блять! Сука, сука, сука, блять, сука, сука, сука, блять, сука, сука, сука, блять!

РАССКАЗЧИК. Она имеет в виду, что надо сдавать комнату, которых один хрен три. Получается, одна - лишняя. В это время Дима смотрит на ложку, пытаясь согнуть ее силой мысли, как в телевизоре. Бабки тоже любят телевизор. Кашпировский, Чумак, Дубовицкая. В промежутках между программами Бабки собираются то на рынке, то в собесе. Поначалу, никто особо не обращает внимания на милых кучкующихся старушек. Милые они на первый взгляд.

БАБКА. Вы видите, что наша сила крепнет?

БАБКИ. Видим.

БАБКА. Вы хотите больше власти?

БАБКИ. Да, мы хотим!

БАБКА. Только вместе мы власть!

БАБКИ. Вместе мы власть!

БАБКА. Тихо, к нам кто-то идет.

МИЛИЦИОНЕР. Добрый день, бабушки. Никто вас не обижает?

БАБКА. Ой, спасибо, сынок, все хорошо. Разговариваем о внуках. Мой-то такой кругляш растет! Я тебе, хочешь, фотографии покажу?

МИЛИЦИОНЕР. Спасибо, как-нибудь в следующий раз. Всего доброго!

БАБКА. Видали, бабоньки, фотки неизвестных детей каждый раз прокатывают.

РАССКАЗЧИК. Кого только не было среди суточных гостей в квартире Мама и Димы: из Черниговки, Донецка, Москвы, Уссурийска и солнечной Якутии. Однажды за одну неделю, чтоб не спиздеть, через комнату прошло человек 80. Как следует, раскрутив бизнес, Мама Димы начинает неплохо зарабатывать. Для Димы этот период запоминается бесконечным «Здравствуйте!» «Саям алейкум!» Здравия желаю! «О, мать, дай поспать!». Есть и те, кто приезжал по несколько раз за месяц. А после некоторых гостей оставались даже какие-то вещи. Так в квартире появился старый видик, несколько сомнительных кассет и запах котлет. Такие постояльцы сразу же шли в мамину комнату и просили Диму сходить в магаз за мороженым. Исключений не было даже, если у Димы была температура.

МУЖИК В ЗАСТИРАННЫХ ТРУСАХ. Ну что, малой, дуй за мороженым.

РАССКАЗЧИК. Дима, держится за горло, с ног до головы в горчичниках.

МУЖИК В ЗАСТИРАННЫХ ТРУСАХ. Клин - клином.

РАССКАЗЧИК. В 90-е Дима обожал смотреть, как выкладывают на прилавки товары, и чувствовал гордость за страну. А если в это время в неизвестном направлении шел паровоз с углем, то у Димы все клокотало в груди. Ведь там, куда несется поезд, на другом конце России, кто-то ждет и обрадуется этому углю, как родной матери.

МАМА ДИМЫ. Вернулся? А чего так быстро? Ну-ка иди во дворе погуляй. И на трещины на тротуаре не наступай! Если не хочешь, чтобы мать умерла! Иди, гуляй, я сказала. Вечером вернешься, а дядя Леня (Толя/Коля/Амир/Антыл/Эдвин) нам уже воду горячую починил. Брысь во двор!

РАССКАЗЧИК. В 90-е двор дома, где жил Дима легко можно перепутать с помойкой. А все и путали. А дворы были одинаковые. С одинокими скрипучими качелями, Бабками и своими местными Наркоманами. А такие есть в каждом подъезде, их знают в лицо и по фамилии.

НАРКОМАН. Э, пиздюк.

РАССКАЗЧИК. Дима, смотрит на него пристально.

НАРКОМАН. Э, пиздюк, а вынеси уксуса.

РАССКАЗЧИК. Дима, пытается согнуть наркомана, как ложку взглядом.

НАРКОМАН. Тогда денег вынеси.

РАССКАЗЧИК. Дима уже красный от напряжения, машет отрицательно головой.

НАРКОМАН. А если найду – ебало бью?

РАССКАЗЧИК. После этой фразы Дима перестает торговаться, а заодно пытаться согнуть наркомана и отдает все содержимое своих карманов. Больше, чем наркоманов боялись чеченцев. Через стенку от Димы, как раз живут классические «чехи», как их называют за спиной. Подозрительные бородачи приходят в квартиру только по ночам, часто отсутствуют по несколько недель. Месяц назад, сидя на диване, Дима слышит тихий женский голос за стеной.

ГОЛОС. Помогите, меня бьют и насилуют, пожалуйста, помогите...

РАССКАЗЧИК. Дима подходит ближе к стене.

ГОЛОС. Меня пристегнули к батарее, пожалуйста, вызовите милицию.

РАССКАЗЧИК. Дима прислоняет ухо к розетке.

ГОЛОС. Пожалуйста, спасите, меня здесь убьют! Я слышу, что вы здесь.

РАССКАЗЧИК. Дима отходит от розетки, выходит из комнаты в коридор и заходит в туалет. Он всегда от волнения хочет в туалет. Под разными предлогами Дима сидит на унитазе больше получаса, настолько сильно он не хочет возвращаться в свою комнату. В надежде, что девушка сама убежала, Дима идет проверять. Крадется к стене и прикладывает ухо к розетке. За стеной тишина, Дима довольно улыбается. Но обычно квартира – это единственное безопасное место. Где-то в глубине души Дима хочет быть крутым, но максимально крутым он чувствует себя только дома. У Димы есть «штабик», где он спасается от квартирантов, мамы и инфляции. Если бы все всегда сидели по своим домам в «штабиках», то и смертей было бы меньше. И войн. Сидели, если бы Наполеон и Гитлер дома в «штабике», разве умерли бы миллионы людей? Дома Диме никогда не было скучно. Скучно в школе, на улице, но не дома.

МАМА ДИМЫ. Когда была жива моя прабабушка, мы всегда, год за годом, на каждом торжестве всей большой семьей собирались за огромным столом (примерно 60 человек), устраивали концерты. Я была маленькая, пела, танцевала. Моя бабушка и ее сестра-близнец наряжались в костюмы и пародировали звезд, пели, устраивали конкурсы, играли в лото на призы. Вот тогда, ощущался дух семьи. Сейчас всех будто выкосило, семьи стали крохотные, для мини-столиков... с мини-традициями.

РАССКАЗЧИК. Дима показывает мешочек с лото, вопросительно вертит им в воздухе.

МАМА ДИМЫ. Сейчас? Да, ты что! Телек посмотри! Вон, «угадайка» началась. Пельш смешной.

РАССКАЗЧИК. Но никак ни пьяный президент, коррупция или приватизация волнуют в это время Диму. А то, когда он первый раз поцелуется и с кем? По итогам всех размышлений - подходит любая. На Новый год он, как полагается, съедает сгоревшую бумажку и загадывает: обязательно поцеловаться. Новогоднее волшебство не заставило себя долго ждать. Уже 9 января на дедовских похоронах Диме говорят, поцеловать покойного. Дима, приглаживает челку, отрицательно машет головой.

МАМА ДИМЫ. Быстро!

РАССКАЗЧИК. Но приходится. Год оказался урожайным на поцелуи, через месяц умирает и бабуля. Ему снова надо целовать покойницу. Дима не может обидеть бабулю отказом, *хотя и готов закричать: «вы чокнулись, не буду я ее целовать, потому что не считаю это нормальным»*. Но, теребя челку, подходит и целует холодную поверхность, которая не так давно готовила пироги и говорила «какую страну развалили».

Позже, смеясь с рекламы журнала «ТВ-парк», Мама Димы надевает платье с люрексом.

МАМА ДИМЫ. Сегодня идем в гости к Бабе Зине. Накинь-ка пиджачок свой, малиновый.

РАССКАЗЧИК. Дима отрицательно вертит головой, морщит высокий лоб.

МАМА ДИМЫ. Вот не хрен. Сколько можно молчать? Не надоело? Достался же ребенок. Одевайся. Бабку Зинку пожалей, натерпелась она, внук ее в банду хотел и пропал, полиция ничего не нашла. Хорошо, что ты у меня домашний, гумуса этого нет в голове.

РАССКАЗЧИК. Баба Зина запомнилась Диме своей манерой курить дома и шептать кому-то маты в сторонку. Поэтому Дима не сильно хочет к ней. Да и про внучку её на районе перешёптывались. Бабе Зине она была не родная и унаследовала не дом трехэтажный, а шизу своей матери-алкоголички. Но Баба Зина была бабкой, а они ничего не боятся. Даже шизы.

МАМА ДИМЫ. Зато там будет Надя. Она еще та хохотушка.

РАССКАЗЧИК. Надя появилась в жизни Бабы Зины много лет назад. За девочку из детдома платили пособие, а работы у Бабы Зины не было. Таким хитрым ходом Баба Зина решила убить двух зайцев, она бы убила и третьего, но зайца-Надю проверяли каждые полгода работники отдела опеки.

БАБА ЗИНА. Дима, иди с Надей поиграй, а мы тут с мамой на кухне кое-что приготовим.

МАМА ДИМЫ. А у меня уже все готово *(и призывно громыкает бутылками в пакете)*.

РАССКАЗЧИК. Дима никогда не общался с Надей один на один. Дима не был любителем поболтать. Сегодня Дима тоже планировал молча отсидеться. Зайдя в комнату, Дима машет приветственно рукой.

НАДЯ. Пока не родила.

РАССКАЗЧИК. Оба молчат. Дима переминается с одной на другую, замечает в углу черное пианино, красное пятно на потолке, белые шторы – все как в страшилках. Надя перехватывает взгляд Димы.

НАДЯ. Боишься? Не ссы – просто совпадение. Будешь? *(достает из-под дивана пачку «Бонд»)*.

РАССКАЗЧИК. Дима машет головой, Надя закуривает. Дима идет к окну, чтобы его открыть.

НАДЯ. Не надо. Так торкнет быстрее.

РАССКАЗЧИК. Девочка нарочно выдыхает дым в сторону Димы. Он отгоняет дым в её сторону.

НАДЯ *(сворачивает из пальцев дулю, направляет ее в сторону Димы)*. Куда дуля, туда дым, куда дуля туда дым

РАССКАЗЧИК. Надя достает из-под дивана алюминиевую банку водки «Черная смерть».

НАДЯ. Будешь? Ну и зря!

РАССКАЗЧИК. Дима снова мотает головой, Надя открывает крышку и отхлебывает из банки.

НАДЯ. Я вот, чего думаю. У меня же выпускной скоро в школе, получаю путевку во взрослую жизнь. Посоветуй, что мне с волосами делать. Так оставить или обрезать?

РАССКАЗЧИК. Дима показывает на длинные волосы рукой. Надя берет в руки ножницы. Встает перед зеркалом и неровно отрезает косу.

НАДЯ. Удивить всех хочу. Все волосатые, как дуры, одна я нормальная буду.

РАССКАЗЧИК. Берет со шкафа ленту с надписью «Выпускник-1995», надевает поверх свитера.

НАДЯ. Ну, как? Не стрёмно?

РАССКАЗЧИК. Дима опускает показывает на свитер, что он так себе. Надя стягивает свитер, остается по пояс голой. Дима смотрит, не отрывая глаз. Замечает на животе девушки родимое пятно, напоминающее по форме профиль Ленина. Надя через плечо повязывает ленту выпускника на голое тело, встает перед зеркалом.

НАДЯ. А что, почти «Бурда Модерн». Иду впереди времени.

РАССКАЗЧИК. Дима, приглаживая челку интенсивнее обычного, держит входную дверь, чтоб никто не зашел.

НАДЯ. А хочешь, я скажу всем, что ты ко мне приставал, лапал по-всякому и тусы у меня своровать хотел?

РАССКАЗЧИК. Дима мотает головой от страха.

НАДЯ. И напоил тоже ты. И курить заставил. Малолетний деспот и тиран...ладно шучу-шучу, не ссы в тусы.

РАССКАЗЧИК. Надя берет банку «Черной смерти», отпивает, тут же бледнеет вытаскивает цветок из горшка, блюет в горшок, засовывает цветок обратно. Снимает ленту, надевает свитер, садится на пол, закуривает. Жестом предлагает Диме выпить.

НАДЯ. Что с тебя взять, домашнего... варенья *(глаза Нади от водки горят)*. Чистенький ходишь. Ты на учете в милиции стоял? Нет. Ты на улице пытался найти пожрать? Хрен там! Ты,

наверное, трусы носишь недельки, точно соблюдая распорядок? Угадала? Покажи трусы, покажи трусы. Сегодня что? Пятница?

РАССКАЗЧИК. Дима вцепился в ремень брюк. Надя сначала настойчиво их стягивает, но резко перестает.

НАДЯ. Значит, угадала. И без матери ты не жил. И без дома. Как ты собираешься взрослеть? Какая тебя девушка полюбит, если ты домашний творог. У тебя походка домашняя, и осанка, Давай научу, как по-крутому ходить. Давай, хоть курить по-крутому научу.

РАССКАЗЧИК. Дима думает, что хотел бы чаще вот так ходить к Наде. Она теребит его туда-сюда за руки и ему становится неожиданно приятно. Под этот «туда-сюда» Надя уговаривает Диму выпить полстаканчика.

НАДЯ. А что-то в тебе есть, только оно там (*тычет в Диму*). Давай на чистоту, чем тебя мама в детстве пугала?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

НАДЯ. Давай угадаю, неграми? Я от башки этой огромной отвратительной с шишкой (показывает на себе) ссалась. Ну, с ОРТ заставка, понял? Спрашиваю бабулю, мол, че, это? А она, говорит, это ж Ельцин. Шутила, видимо. А ты от чего ссался? погоди-погоди, угадаю, для такого болтуна самое страшное - остаться одному в очереди в магазине, когда мама пошла за молоком, а твоя очередь все ближе и ближе и бах. Я директрисе фак показала, я ничего не боюсь. Хотя вру. Почему ты не говоришь: Надя не ври мне.

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

НАДЯ. А кто ты такой, чтобы я тебе говорила правду? Кто ты такой? Муж? Или этот? С кораблем за спиной? Или может этот? С попугаем на плече? Вот. Мы и подошли к сути! Посылать на хуй весь мир я не боюсь. А ты считаешь, что стареть это нормально, да?

РАССКАЗЧИК. Дима кивает решительно, с размахом.

НАДЯ. Хер там. Нормально это жить и не стареть. Чему там радоваться после 30? Маразму? Самое-самое страшное – понимание того, что жизнь просрана. Недавно на чей-то днюхе попробовала оливки и подумала: значит, у оливок будет вкус моей молодости, и в морщинистые 30 лет я буду их есть и умирать, вспоминая себя – юную. У «Наутилуса», у «Би эс Би», пляж ТОФ – это все молодость, я там бухала. Видел Бабок, там летом загорают? Я не хочу быть такой.

РАССКАЗЧИК. Дима подумал, что есть очень миленькие бабульки, поэтому скорее всего страшна не старость, а бабкость. Дима молча выпивает еще водки.

НАДЯ. А о чем ты мечтаешь? Чтоб с мамочкой всегда рядышком быть? А я вот, чтобы ни от кого не зависеть, и не следовать всему (*показывает вокруг*), ну всему, понимаешь? Я уже в школе директрису на хуй послала и это только начало! Помнишь Алену со второго подъезда? Ну, Алёна, которая обожает готовить? (*быстрее в 4 раза*) Алена, которая добрая и любит рожать. Алёна готовит, утюжит, рождает, стареет, Алена готовит, утюжит, рождает. Алена неделю назад узнала, кто такой Ван Гог и, то сразу забыла. Алене некогда, она готовит и маринует овощи, Алена молодец. Алена поет в казачьем хоре. Ее дети тоже будут там петь. А еще Алена говорит, что её подружка говорит, что в Париже вонь и крысы. Поэтому она дальше Уссурийска не ездит на всякий случай (*замедляет темп речи*). Когда Алена умрет, дочка продолжит жить как она.

РАССКАЗЧИК. Дима выпивает еще водки.

НАДЯ. Давай в бутылочку? О, смотри, как тебе везет сегодня! Счастливая рука (*тянется к Диме и неловко его целует, ударяясь зубами*). Так-то я круто целуюсь, вертолет у всех. Это просто с тобой че то не то. Вот поэтому домашние, такие, как ты майонезы меня ну совсем не вставляют. Смотри. Целую тебя и ничего. А у тебя? Тоже ничего? Вот именно. Волосы подарить? На память.

РАССКАЗЧИК. Дима вежливо отказывается от состриженных волос и снова отгоняет от себя дым. Надя оказывается в сигаретном облаке.

НАДЯ (*в дыму*). Эй, придурок, пошли меня на хуй, скорее.

ДИМА. М?

НАДЯ. Ты че, приметы не знаешь? Дым в лицо? Шли скорее! Или хочешь, чтоб меня потом из-за тебя нормальный кто-то послал?

РАССКАЗЧИК. Дима влюбляется, проговаривает беззвучно «пошла на хуй, Надя».

НАДЯ. Считай, спас меня только что. *(Обнимает его одной рукой, второй курит).*

РАССКАЗЧИК. Надя молча улыбается. И засыпает, головой у Димы на коленках. Под утро.

МАМА ДИМЫ. Ох, Димка! Так душевно с Бабой Зинкой посидели, хоть душу отвела. А вы?

РАССКАЗЧИК. Дима показывает рукой «класс». Позже дома Дима смотрит на трусы и, правда, была «пятница». Диме так запомнился тот профиль Ленина на Наде, что Ленин даже начинает к нему являться. Друзей у Димы нет. Да и разговаривать Дима не любит, не видит смысла. Единственный нюанс, что Ленин предлагает всегда что-нибудь пошлое. Каждый раз предложения все омерзительнее. Но хоть какое-то общение.

ЛЕНИН. Оближи мои яйца, Бунтарь! Хочешь, я твои оближу? Давай присунем кому-нибудь? Хочешь мне присунь? Что она там вякала? Домашний? Холодца из хуйца (домашнего) не желаете?

РАССКАЗЧИК. В это время Бабки уже везде чувствуют себя, как дома. У них даже экономика своя появилась. Она построена на базарных ларьках, раскладных столиках и картонных коробках с бабками по ту сторону прилавков. Купить у Бабок можно все: от пирожков и шпилек для волос, до аптечных «колес». Каждое утро, перед началом смены Бабки сгоняют со всей округи голубей, поднимают их в небо и произносят «Все мои деньги, все до копейки. Касса закрыта, ключ у меня, чик-чик». Дима считает, что все эти приметы придумали рукожопые неудачники, обосранные птицами. Дима никому не говорит, что он в ЭТО не верит – потому что не особо говорит в принципе. А улица каждый день подкидывает новенькое.

ДЕД. *(Диме)*. Есть спички, парень?

РАССКАЗЧИК. Дима протягивает спички. Дед отходит в сторону, где его ждут старуха и собака. От всей троицы несет бензином. Дед поджигает сначала собаку, потом старуху, а потом себя. Он стоит и неловко машет руками, то ли прощается со старухой, то ли с Димой, то ли передумал.

В 90-х стрелки были, чтоб не спиздеть, каждую секунду. И если ты не в теме, то вся суэта могла обернуться против тебя. Поэтому Дима очень хотел в банду. Самое первое знакомство с криминальным подростковым миром у Димы произошло 5 мая 1997 года в 22:05 между Первой речкой и Корейкой. Дима стоял в центре стрелы, в окружении мелких бандосов и был готов обоссаться от страха. Все началось для Димы пару недель назад.

УРКА БЕЗ ЗУБА. Э, пиздюк, пацанам на зоне помогаешь?

РАССКАЗЧИК. Дима вспомнил, сколько раз он помогал пацанам на зоне. Как отдал банку варенья Тёртому, сто рублей Дрюсику в капюшоне, даже однажды кому-то на зоне понадобился его учебник по математике и домашка. Но, почему-то, ни Диму, ни его подгоны на зону никто не запоминал.

УРКА БЕЗ ЗУБА. Пацан, ты оглох? Глухому тогда в СИЗО, может, че передашь?

РАССКАЗЧИК. Пробивают карманы Димы, денег нет.

УРКА БЕЗ ГЛАЗА. Да он же домашний, этот...домосек, ну домик!

УРКА БЕЗ ЗУБА. В моем дачном домике поселились домики, а рядышком в избушке лижутся лизбушки. *(заканчивают ржать)* Давай мы тебе займем.

УРКА БЕЗ ЗУБА *(достает кунюру в 2000)*. Вот, пацан, я за тебя отправляю Седому.

РАССКАЗЧИК. Дома Дима радуется, что нашел общий язык с «шобла-ёблой», как их мама называла. Дима представляет, как у него теперь на районе все наладится, даже, если сначала придется немного отсидеть. Зато потом возьмут «смотрящим» по району. Ес!

А Криминал в городе, где жил Дима, был лютый. Моряков, везущих из Японии автомобили, встречали на берегу не жены, а угрюмые рэкетиры с битами, клюшками для гольфа и стволами. Они стояли на причале и ждали «свою» машину.

РЭКЕТИРЫ. О, мужик, спасибо, я такую и хотел, красная! То, что надо.

РАССКАЗЧИК. Самые продуманные моряки покупали сразу три-четыре машины, чтобы едва ступив на родную землю, было чем поделиться с братишками. Тех, кто не делился - жестко наказывали. Однажды к Диме домой пришли соседи - молодые муж и жена, пересидеть облаву

рэкитиров. Муж только вернулся с рейса, привез Тойота Марк 2 и сильно не хотел с ней расставаться. Поэтому машину спрятал в лесу, а сам спрятался в квартире Димы. Соседи сидели сидели у них долго. Сначала говорили на общие темы, а потом и просто сидели и молчали, пока рэкетеры поджигали дверь их квартиры. Диме было страшно, он боялся пукнуть.

(Звук пука)

РАССКАЗЧИК. На следующее утро Дима встречает во дворе двух вчерашних «приятелей».

УРКА БЕЗ ГЛАЗА (*заскрипел*). Ну, че, там, долги надо возвращать.

УРКА БЕЗ ЗУБА. Мы тебе вчера заняли на зону пацанам прогнать.

УРКА БЕЗ ГЛАЗА. Или ты че, чмырина, нас на бабки решил опустить?

РАССКАЗЧИК. Диму бьют пару раз под дых. Дима с трудом садится на корточки.

УРКИ (*трясут кивающего Диму*). В среду не отдашь, мы тебя на стрелу приведем и там очко твое домашнее по кругу пустим.

РАССКАЗЧИК. Районная «стрела», в центре толпы из пацанов с района стоит местный авторитет и «смотрящий» по кличке Пися, напротив - Урки, за спиной трясется Дима. Пися был страшный. Дима первый раз был на «стреле». «Стрела» напомнила заседание Госдумы: все сидят на корточках, сосредоточившись, решают: кого надо опустить, кого загрузить на бабки, а кого отпиздить. Всем, правда, лет по 13-14. Один Пися крутой, ему 21. Погоняло такое у Писи было, из-за его фамилии - Писяков.

УРКА БЕЗ ЗУБА. Короче, Пися, есть момент. Этот лох пообещал нам две штуки в среду отдать.

ПИСЯ (*грызет заусенцы на пальцах и сплевывает на землю*). Ну.

УРКА БЕЗ ГЛАЗА. Ну и не отдал. Мы его возле школы выцепили и фанеру пробили. Он блякнулся, что в четверг отдаст.

ПИСЯ. И не отдал?

УРКА БЕЗ ЗУБА. Да, пиздец, опять не отдал!

РАССКАЗЧИК. Разговор прерывает голос Бабы Зины, резко появившейся в разгар «стрелы».

БАБА ЗИНА. Пирожки, горячие пирожки, с мясом, с ливером, дешево!

ПИСЯ. Бабуль, вот ты пиздец как не вовремя. Можешь попозже подойти?

БАБА ЗИНА. Не хотите пирожки покупать, тогда помогите сумку домой донести. Тут недалеко, дом на терке, знаешь?

ПИСЯ. Бля, бабуль, я ж говорю не вовремя. Ладно, похуй. Эй, Чук и Вадик! Сходите, помогите бабуле.

РАССКАЗЧИК. Из толпы выходят два типичных гопника, с большим усилием приподнимают бабкину сумку с пирожками и вместе уходят в сторону жилых домов.

ПИСЯ (*уркам*). Так и че, давайте дальше рассказывайте, про терпилу своего.

УРКА БЕЗ ЗУБА. Короче, он нам опять ничего не отдал. Мы его опять выцепили. Пробили ему фанеру и сказали, чтоб жопу на район ставил и в субботу отдал.

УРКА БЕЗ ГЛАЗА. Сегодня суббота, а он опять никуя не отдал. Мычит, вафел. Ну, вот мы его и привели на стрелу, чтобы всем районом ему очко прочистить.

РАССКАЗЧИК. Некоторое время Пися смотрит на Диму, переводит взгляд на Урку без зуба и на Урку без глаза, потом трясется и начинает, как дракон, плевать каждым словом.

ПИСЯ. Вы че, гоните! Вы пацана за полтинник решили покоцать? Дайте ему пизды и пусть валит.

РАССКАЗЧИК. После этих слов Дима прыгает на месте от облегчения. Радость от нежданного спасения вырвалась в жест «уе».

ПИСЯ. Оба-це, а с хуя ли вы лОха на стрелу привели? Вы че, лохи?

РАССКАЗЧИК. Оба урки мнутя. Пися повторяет вопрос.

УРКА БЕЗ ЗУБА. Ну, это. Тут же больше всего с района пацанов собирается. Плюс мы думали, что ты его первый дернешь.

ПИСЯ (*рассвирепев*). Вы че, охуели?

РАССКАЗЧИК. Дима вприпрыжку бежит домой. На мгновение он даже испугался, что всё это ему кажется, а на самом деле его сейчас дерут (мамочки!) всем районом, а он просто упал и потерял сознание. Ночью Дима не может уснуть, радость от спасения сменяется пониманием,

что он лох. В его впалой груди закрадывается тоска. Он решает завтра пойти к Писе и лично попроситься в банду. В это время на Тёрке. Баба Зина открывает входную дверь.

БАБА ЗИНА. Ох, сыночки, спасибо, что помогаете, сама бы я век не донесла. Такие сумки тяжеленные!

ЧУК. Блин, бабуля, как ты их носишь? Это ж невозможно, откуда силы?

БАБА ЗИНА. Как откуда? Из пирожков силы мои все. Вы, сынки попробуйте. Поешьте, сами заметите, как силы и здоровье прибавляются.

ВАДИК. Да ладно бабуль, не надо нас лечить. Мы и так леченые – покалеченные.

ЧУК. А я захавая. Я пирики люблю, на халяву, тем более.

БАБА ЗИНА. Вот и правильно, кушайте сынки, кушайте. Возьми вот и с печеночкой, и с мяском. Я их давно делаю, у меня внучок пирожки страсть как любит...любил. Я ему пирожки тазиками лепила. Вот сюда проходите. А внук у меня золотой...был, учился хорошо, на скрипке играл. Погодите, сынки, я дверь в квартирку закрою. А потом с людьми плохими связался. Проходите мальчишки, проходите, в коридор заходите вот сюда сумочку ставьте. Они его обманом в подвал заманили и издевались долго, а потом подожгли. Вы, сынки, присядьте в кресла, присядьте, пару минут меня подождите. И не стало внучка моего, даже косточки не собрать. Сидите, сынки, я сейчас.

РАССКАЗЧИК. Бабка уходит на кухню, подходит к стене с вмонтированным рычагом, дергает его, оба кресла в комнате переворачиваются вверх тормашками, а Чук и Вадик с криками улетают в огромную мясорубку. Из отверстия в стене прямо в таз медленно выползает фарш. Бабка раскатывает тесто, напевая «Виновата ли я».

На следующее утро. Диме нравится фильм «Терминатор-2», «Рокки», Красная жара», но и «Унесенные ветром» тоже были ничего и Скарлетт по-своему тоже где-то, как Рокки по характеру. Рассуждает Дима, стучась в Писину дверь.

ПИСЯ. Кто там?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

ПИСЯ *(палит в глазок)*. Домашний? Ты что ли? Ты один?

РАССКАЗЧИК. Дима неуверенно кивает.

ПИСЯ. Ладно, заходи.

РАССКАЗЧИК. Дима проходит в квартиру Писи, на входе лежит куча обуви разного размера и разных моделей. Дальше прокуренная комната. Судя по тишине, кроме Писи, в квартире никого.

ПИСЯ. Че, пришел? Коцнуть тебя все-таки?

РАССКАЗЧИК. Дима отрицательно машет.

ПИСЯ. А че пришел?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

ПИСЯ. Ты немой? *(Думает.)* Бухать, в принципе реально немой. Ну, давай посмотрим, как ты бухать умеешь. *(Идет в коридор, достает из пакета банку водки «Черная смерть». Уходит с ней на кухню, возвращается с водкой, банкой варенья и двумя бокалами под мартини.)* Нормальные стопки найти не могу. Есть только пидорские, но делать нечего. *(Разливает по бокалам водку, оба выпивают и заедают вареньем.)* А пробовал водку с вареньем смешивать? Такой коктейль получается, достойный очень, мне нравится. *(Старательно, почти по-матерински, отделяя сироп от ягод, Пися наливает бокал на четверть вареньем и до краев доликает «Черной смертью». Дима тянется к бокалу, но Пися резко его одергивает.)* Куда, сучара, грабли тянешь? *(меняет резкий тон на мягкий)* кто же так коктейли пьет? За соломинки слыхал что-нибудь? *(откуда-то с пола поднимает соломинку для коктейля)* держи. У меня своя есть *(достает из кармана спортивок вторую соломинку)*. Вот так и пьем, охуенно же. *(Идет к магнитофону с выпавшей кнопкой «Play», карандашом нажимает рычажок, кассетник начинает играть Ирина Салтыкова «Серые глаза».)*

ПИСЯ. Тебе как? Нравится? Нормально так, ритмично, да?

РАССКАЗЧИК. Дима довольно кивает в ритм.

ПИСЯ. Это хорошо, что ты немой, хоть вопросами не доебываешь. Вопросы должны быть по сути. Мне, например, интересно, как телки на каблуках ходят и не падают?

РАССКАЗЧИК. Дима пожимает плечами в такт музыке.

ПИСЯ. По-моему, тренируйся не тренируйся, все равно не получится. Нужен эксперимент. *(Уходит в коридор, возвращается с туфлями на высоком каблуке в руках, обувается в них и уверенной походкой подходит к Диме)*. Ты смотри, с первого раза получилось все. Зря я сомневался. Давай-ка еще коктейльчика за это придавим. *(Стоя на каблуках, с бокалом для мартини в руке, Пися раскачивает бедрами и подпевает Салтыковой)*. Мне говорят, ты сошла с ума. А я говорю, разберусь сама, уж я как-нибудь обойдусь без вас, раз дело касается серых глаз. Ну, Димасик, вставай. Подвигайся немного. *(Растерянный Дима начинает пританцовывать)*. Предлагаю выпить за Америку. Я ж туда мечтаю уехать, там дух свободы, там все можно, кем хочешь и как хочешь! Вот ты, Димасик, чего хочешь?

РАССКАЗЧИК. Дима берет ложку, показывает, что хочет их взглядом гнуть.

ПИСЯ. В Америке ложки каждый второй может гнуть, а у нас заглушки еще советские стоят, не дают развернуться людям. Вот здесь, за ухом, у каждого человека есть специальный канал экстрасенсорный, его надо разрабатывать.

РАССКАЗЧИК. Пися начинает нежно тереть пальцем у Димы за ухом, хватает за затылок и целует. В глазах Димы темнеет. Дима вырывается из писиных объятий. Пися на каблуках, догнать его не может. Дома Дима долго сидит в «штабе». Ему кажется, что он так и не выбрался из Писиной квартиры и не пришел домой, а на самом деле отключился и с ним сейчас Пися делает все, что хочет. Дима вспоминает, как целовал мертвых бабюлю с дедулей, блевотно-перегарную Надю и на этом фоне выходило, что Писин поцелуй самый удачный. Я голубой - думает Дима.

ЛЕНИН. Я правильно предлагал яйца облизать? Я усну, а ты меня под шум дождя: сначала в Софию, а потом и в Ротару. Поет никому не известную песню «маленькие писечки любят мои большие губоньки».

РАССКАЗЧИК. На очередную районную стрелку Пися пришел в мини-платье и на каблуках. Дело было вечером, поэтому пацаны не сразу увидели и поняли, что к чему. Кто-то в полутьмах даже тянул ему руку, чтобы поздороваться. Но Пися, не обращая внимания, и, не останавливаясь, дошел до центра стрелы, поставил на землю магнитофон и включил «Серые глаза».

УРКА БЕЗ ЗУБА. Пися, это ты?

ПИСЯ *(поднимая к небу накрашенные ресницы)*. Я.

ДИМА *(дома, читает отрывок из «Парфюмера»)*. Они окружили его кольцом, двадцать — тридцать человек, и стягивали этот круг все сильнее и сильнее. Скоро круг уже не вмещал их всех, они начали теснить друг друга, отпихивать и выталкивать, каждый хотел быть как можно ближе к центру. Они сорвали с него одежду, волосы, кожу с тела, они ощипали, разодрали его, они вонзили свои когти и зубы в его плоть, накинувшись на него, как гиены. История с Писей научила Диму, что у каждого времени есть свои герои, и это было не Писино время. Хотя многое через писю и делалось.

Миллениум

РАССКАЗЧИК. 90-е заканчивались ожиданием Миллениума. И тут либо новая супер пупер эра, либо конец света. Бабки сами склонялись и всех склоняли к последнему. Они безошибочно называли две даты: день пенсии и день апокалипсиса. Бабки уже голосили о концах света в 1000-м, и в 1037-м годах, а в 1492-м Бабки были настолько убедительны, что народ даже пшеницу не посеял. А сел ждать пиздеца. И пиздец наступил, но в виде всеобщего голода. 2000-й вызвал в Бабках новую волну пророчеств.

БАБКА. Сынок, помоги! Подержи козла за рожки. Вот, вот так, а я ему глотку перережу. Вот, вот так. Ведро подставляй, вот, вот так. А теперь пей кровушку, пей, вот, вот так. Свят, свят, свят. А теперь в церкву беги, к батюшке. Тело спас. Надо и душу спасать.

РАССКАЗЧИК. В Миллениум каждый ждет нового: даже бомжара с набережной греет руки у себя в штанах по-новому, женщина идет на аборт по-новому. Говорят, даже придорожные

минетчицы стали сосать по-новому, правда, называли их все равно по-старому. Но это от скудной фантазии дальнобойщиков. Пока все готовятся к Миллениуму, Дима готовится стать геєм.

ДИМА. Ну, во-первых, от этого никто не застрахован, во-вторых, это фишка. В-третьих, это...
РАССКАЗЧИК. Что именно «в-третьих», он не договаривает, потому что занят выбрасыванием всего самцового из комнаты: журнал с полуголыми девицами и кассеты «Сектор газа». Больше ничего самцового не было. Дима еще раз бросает взгляд на женщин с газетных страниц – ничего! Садится, пытается притянуть взглядом кружку, но в итоге двигает ее линейкой, будто у него получилось.

А Мама Димы ставит на стол оливьешечку (как она ее называет), бутерброды с красной икрой, картошку с окорочками и «Советское шампанское». Мама Димы утверждает, что оно самое вкусное. Вообще, к концу 90-х все «советское» стали чаще произносить в значении «лучшее»: от образования до резинок для трусов. За новогодним столом, кроме Димы и Мамы, был еще Шурик. Это самый последний квартирант, который Маме Димы даже цветы иногда дарил, а она называла его «козел, блядь, приперся». Они жили, что называется, гражданским браком, а Дима старался сильно не вдаваться в их отношения. Ему было достаточно, что месяц через три (в таком режиме Шурик ходил в морские рейсы) маме было с кем поговорить. Новогодний телевизор транслирует, как в Нью-Йорке обсыпанные блестками американцы счастливо машут руками в камеру и поправляют съехавшие с макушки колпачки. Диме кажется, что все волшебство праздника досталось им. А нам оливье.

МАМА ДИМЫ (*увидела Димин взгляд на салат*). Чем тебе оливьешечка, блядь, не угодила? (*переключает канал на обращение Ельцина*).

ЕЛЬЦИН. Осталось совсем немного времени до магической даты в нашей истории. Наступает 2000 год. Мы все примеряли эту дату на себя. Прикидывали, с начала в детстве, потом повзрослев, сколько нам будет в 2000 году, а сколько нашей маме, а сколько нашим детям. Казалось когда-то - так далеко этот необыкновенный Новый год. Дорогие друзья! Дорогие мои! Сегодня, в последний день уходящего века я последний раз обращаюсь к вам как Президент России. Я устал. Я ухожу. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед.

РАССКАЗЧИК. На кремлевской стене возникает темный силуэт. Сгорбленная фигура медленно приближается к стоящему спиной Ельцину. Прожектор телекамеры высвечивает морщинистое лицо в косынке, это Бабка с трехлитровой банкой воды в руках.

ЕЛЬЦИН. Сегодня, я хочу попросить у вас прощения. За то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее.

БАБКА. Одним рывком! Одним четким, резким, рывком! Я эту воду семь лет заряжала: сила Чумака, сила Кашпиrowsкого, сила святителя Николая и Матроны Московской приди! Порядок наведи!

РАССКАЗЧИК. С размаха Бабка разбивает банку воды о голову Ельцина, его грузное тело падает на брусчатку Красной площади. Торжествующая Бабка обливает его остатками заряженной воды.

БАБКА. Готов, голубчик. Следующий!

РАССКАЗЧИК. Бьют куранты. Играет гимн страны. Шурик поднимает Диму и Маму с мест и не дает сесть, пока гимн не заканчивается. За Шуриком ковер, в узорах которого Дима иногда видел страшную рожу. Рожа была на месте. Под бой курантов Дима загадывает быть крутым. Дима всегда хотел быть крутым. В 7 лет, как Брюс Ли, в 14, как Рокки, в 16, как Данила Бодров.

МАМА ДИМЫ. Я тоже устала. Я тоже ухожу.

ШУРИК. В смысле?

МАМА ДИМЫ. В коромысле (*выпивает бокал шампанского, наливает следующий, а пустую бутылку ставит на стол*).

ШУРИК. Э, покойницу на стол стать нельзя!

РАССКАЗЧИК. Дима подходит к новогоднему столу, берет в руку запотевший бокал шампанского. Дима махом опрокидывает игристое в себя. И идет на улицу, запускать петарду. Ничего особенного в Миллениум не происходит. Взрослые запускают фейерверки, свет горит, небо на месте. Бабки стоят у окна, недовольно глядя в небо, и, разговаривают по межгороду с Бабами из других городов. Выясняя, не начался ли конец света в Тамбове или Кавалерово раньше, чем тут.

На улице в первый час нового тысячелетия Дима видит Надю. Вернее, он видит пьяного избитого парня, который идет по ледяной каше, поскользывается и матерится. Словно невменяемый промоутер, он раскидывает вокруг себя какие-то листовки. Дима поднимает с земли один из листов, это оказалась распечатанная на струйном принтере фотография, голой, повзрослевшей Нади и ее родимого пятна в форме знакомого ему с детства профиля Ленина.

ПАРЕНЬ. Шалава! Сука! Ведьма!

РАССКАЗЧИК. Фото не только разбросаны по улице – ими обклеены стены подъезда. Дима дожидается, пока парень уходит в темноту, снимает все фотографии. Одну он кладет в карман, остальные в куче сжигает. Дома перед сном Дима еще раз рассматривает фотографию Нади и о, Боже! Боже, тут обязательно с большой буквы, потому что это есть его обращение к Богу, а не просто, как бывает, говорят «господи» к слову. Не о пенсии, не он жмущих ботинках, не о пересоленной гречке. Дима обращается к Богу, потому что в нем что-то зашевелилось. И не только в груди, с этого момента он понимает, что стоит у него только на Надю.

ЛЕНИН. Ну, что? Насильник-потрахун! С новым, ебать его во все щели, годом! Желаю в Новом году каждому пионеру по пилотке, а каждому комсомольцу по мохнатке! Всем меньшевикам надавать по щекам!

РАССКАЗЧИК. Ближе к 4 утра Мама Димы и Шурик беседуют о чем-то волшебном.

МАМА ДИМЫ (Диме). Слышь, этот говорит, шесть килограммов икры я его съела! Пиздец.

ШУРИК. Да не ты!

МАМА ДИМЫ. Да, хоть бы и я! Я привыкла, рыбу красную есть и икру! А ты мне, что предлагаешь, карасиков твоих речных жрать выловленных, блядь, под Уссурийском? Езди на рыбалку, лови и жри карасиков своих, блядь, если умный такой. Любишь речную рыбу, потому что вкусней ничего не жрал карасиков своих вонючих. Нравится, потому что на Украине своей ничего вкуснее хуя не пробовал.

ШУРИК. За раз по пять-шесть кило возил с рыбалки.

МАМА ДИМЫ. Я так чувствую, что скоро и воды из-под крана не попью.

ШУРИК. С унитаза. Заканчивай уже, завелась, как швейная машинка. Лучше скажи, зачем ты шланг то со змеевика сняла с батареи?

МАМА ДИМЫ. Потому что я ванну за вами свиньями чистила, блядь. Когда ты рыбу красную последний раз приносил?

ШУРИК. В прошлом году. Я потом и перестал носить, потому что ты сказала, что тебе не надо.

МАМА ДИМЫ. Мне и не надо, я это говно жрать не буду. Ты ее носил - ты ее и ел. Я не ела эту икру, слизкую и липкую. Говна какого-то набрал по 800 рублей, сам ее сожрал. Пришел, блядь! Ничего что я тут на стуле сижу?

ШУРИК. Закончила? Машинка зингер. Рот зашей. Язык отруби. Благотельница, белая кость.

МАМА ДИМЫ. Это дурдом. Вокруг меня натуральный дурдом (выходит из комнаты, возвращается с большим чемоданом, начинает воодушевленно собирать вещи).

МАМА ДИМЫ. Дима, я тут последние несколько лет откладывала и вот решила. Улетаю в Нью-Йорк к Джозефу. Оставляю тебе ключи, живи с этим мурлом и радуйся. Ну, Джозеф! С сайта знакомств! Не смотри так на меня, да, я помню, да, говорила, что он извращенец. Думаешь, всегда тут со всеми вами жить буду? Вот вам (фигу показывает) хуюшки. Я еще ого го! Молодость вторая, слыхал за такое? Ты (Диме) теперь за дом отвечаешь, что-то будет не так и прощайся с жизнью, понял? У нас самый хороший район в городе, учти. А Джозеф говорит, что сочувствует нашей стране и нашим женщинам и считает, что должен осчастливить хотя бы одну. Вспомни Вупи Голдберг, она на 30 лет старше меня, а выглядит как ты (трогает Димино лицо). Там, говорят, можно себе лицо пересадить хоть кого. Решено уже без возврата (поет) я

покину родные края, уж не будет листвою крылатой, надо мною звенеть (*игриво*) что? Правильно, тополя.

РАССКАЗЧИК. Мама Димы как была во всем новогоднем и мишуре, берет чемодан, надевает шляпу и вылетает в окно. Гирлянда мигает, отсвечивая на лицо Шурика.

Сколько отсутствовала Мама Димы сейчас уже сложно восстановить. Шурик по-своему скучает по Маме Димы. Но и шиковать Шурик тоже любит. За последние 30 лет у Шурика четко сложилось видение «как нужно жить». Одно из правил: как только-только пришел с рейса - пей исключительно шампанское, а за неделю до рейса иди занимать. Однажды он пьяный выкидывает из окна «котика ее любименького». Кот, вопреки поговоркам про девять жизней, сразу помирает. А иногда Шурик по несколько дней из комнаты не выходит. Зато постоянно просит покупать ему спички. Иногда к Шурику привозят внука. Но внук азарта не вызывает. Все-таки внутри Шурик не был никаким дедом. В молодости он был кудряв, волосат и играл в рок-ансамбле. Шурик любил наряжаться. Поэтому у него было две кожаночки и один кожаный плащ, а еще ботинки ковбойские с зауженным носом.

ВНУК. Деда привет!

ШУРИК. Ёптыть! А ты, блядь, откуда тут?

ВНУК. А почему нельзя мультики?

ШУРИК. Потому что ты - вша, блядь! Сперматозоид! Садись «Автопатруль» вон смотри, зырь, как пешехода в лепешку превратило. Вот. На какой свет надо переходить? А дядя не знал.

РАССКАЗЧИК. В 2000-е дворы в городе стали чистить от шприцов, на стенах покрасили маты, а ржавые железные качели заменили цветными пластиковыми. Но люди старой закалки плевали по наитию и ссали от души в песочницу.

БАБКА. Опять на лавке расселись! Вам что, возле нашего подъезда медом намазано? Или говном? Мрази! Уебывайте отсюда. Не понимаете русский - уебывайте. Что сидишь ебона мандавошка? Спрятала свою морду. Думаешь, я вас первый раз вижу? Уходите. А ты пизда ехидная не улыбайся. Сейчас как поддам под сраку, тогда будешь по-другому улыбаться. Уебывайте! Сейчас пойду 02 вызову, нахуй вы сдались! Каждый день сидят. Старость уважай! Уважай, сука, старость!

ЖЕНЩИНА. Бабушка, это же просто дети, они не мусорят, не пьют, не курят. Если вы не перестанете материться - я напишу на вас заявление участковому.

БАБКА. Ты меня участковым не пугай. Я его ебу и на курорты посылаю. Ты за себя бояться начинай, ссать под себя начинай, гнида. Ты думаешь, раз я старая, так все можно? Измываться можно? Думаешь, нет управы на тебя. А, если вот так тебе в глаз трость загоню, и проверну ее раз, два, три, четыре, пять, шесть! Шесть раз ее провернула у тебя, что тогда-ть скажешь? Больно? А вы, блядины, чего вылупились, тоже хотите, нравится глаз на палке? А ну пшли с лавки!

РАССКАЗЧИК. Отдельной историей в жизни каждого россиянина стала кредитная история. Самая не смешная. С наступлением 2000-х кредиты на телефоны, телевизоры, машины и квартиры стали обычным делом в городе и стране, где жил Дима. Берешь сегодня, а платишь потом. Когда-нибудь, но точно не сейчас. Насмотревшись рекламы, Дима тоже решает. На кольцо - Наде, чтоб она знала насколько он серьезный. И комп просто, себе. Зачем именно нужен комп Дима так и не смог сформулировать. Ему просто хотелось ноутбук, как в кино. Открывать его и закрывать на глазах у всех. Пусть завидуют.

БАНК. Где и кем вы работаете?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

БАНК. Мы же должны быть уверены, что вы нам все вернете.

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

БАНК. Получается, вы риэлтер! Так и запишем.

ДИМА. ?

БАНК. Ну, конечно! Мы видим, что вы финансово устойчивый человек! Какая сумма вам нужна?

ДИМА. ?

БАНК. Пятьдесят тысяч вас устроит? Условия кредитования очень простые. Каждый месяц вы вносите аннуитентный платеж в размере процентов за пользование кредитом и части общего долга. В случае просрочки платежа (*переходит на крик*) мы тебя из под земли достанем, ты землю хавать сучара будешь, ты нам эти бабки сам на пузе принесешь (*возвращается к спокойному тону*) и пять процентов неустойки. Вам все ясно?

РАССКАЗЧИК. Но Дима уже ничего не слышит, в своих фантазиях он бежит к Наде с кольцом в руках и ноутбуком под мышкой. Кредитных денег хватило, чтобы купить самый навороченный ноутбук, а вот на кольцо пришлось сэкономить. Кольцо он выкупает в ломбарде на районе, где сдавали золото наркоманы и алкоголики со всей округи. Дима приходит к бабушке Нади.

БАБА ЗИНА. Надька-то? Она ж замуж вышла.

РАССКАЗЧИК. Дима сжимает кольцо, затемнение, засветление, затемнение, засветление. Дима пинает банки, кошек. Дима сидит напротив мусорки и кидает со злости в нее камешки. Из-за мусорки, кто-то кричит.

КТО-ТО. Ты охуел? В себя кинь камнем.

РАССКАЗЧИК. Дима обходит мусорку, видит Надю и бомжа. Они сидят на земле за бетонным ограждением возле контейнеров. Выглядят так себе.

НАДЯ. О! Димасик! Ты что ли камнями?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит. Потом резко начинает тянуть Надю в сторону подъезда своего.

НАДЯ. Хуюшки, тебе. Давай тут говори, Серж воспитанный, в разговор не влезет.

РАССКАЗЧИК. Дима, молча, тянет Надю в сторону дома.

НАДЯ. Димасик, Слыхал про любовь? Люблю его такого пьяного, сраного, ободраного.

СЕРЖ(*шмыгая переломанным носом, улыбаясь*). Разрешите представиться, Серж. Неоднократный контактер с внеземными цивилизациями.

НАДЯ. Да-да, на этой неделе он видел гуманоидов.

СЕРЖ. Их семеро было. Голые, без волос совсем, но не то, чтобы лысые. Видно, что не было у них волос никогда. Что парнишка говоришь?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

СЕРЖ. Нет, вслух вообще ничего не говорили. Зачем им вслух разговаривать? Языки какие-то учить... они сами думают, что им надо, а у меня их мысли в голове уже по-нашему отображаются. Всем удобно - и им, и мне. Что запомнилось, говоришь?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

СЕРЖ. Запомнилось, что глаза у них были красные и без зрачков. Хотя черт их знает, может, это у них очки такие вставлены были прямо под веки, как линзы у нас, чтобы нашим воздухом зрение не испортить. О чем мы с ними говорили?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

СЕРЖ. Ну, как ...можно сказать, что и ни о чем, но я понял главное. Никому мы там не нужны. Ни на Марсе, ни на Венере. Рано нам еще, лучше даже и не пытаться, не получится все равно, ничего мы в космосе не найдем. А было это за Чугуевкой. Вот за Чугуевкой мы нужны, а на Венере – нет. Никому мы там не нужны. Но это похуй. Мы и здесь не особо кому нужны.

РАССКАЗЧИК. Дима тянет Надю, Надя пытается отцепиться.

НАДЯ. А я такого и искала. Нас повенчала речка буйная, а свидетелями были деревца высокие. Кольцо, правда, в ломбарде. Сержули выпить надо было.

РАССКАЗЧИК. Дима пучит глаза.

НАДЯ. Что почему? Потому что вам всем противно. А я хочу, чтобы вам противно было. Я ищу, понимаешь? Воздух ищу. У вас же всех дышать нечем! Помнишь, Ленку с 1 этажа? Я не хочу быть как она (*в 3 раза быстрее*) сначала захотела грудь побольше, шестой размер, а “не третий как у всех”. Лена живет на первом этаже и Лену бесят коты. Ну, конечно, они ходят и мяукают, а Лена не может сосредоточиться на форме сисек. Муж Лены зарабатывает мало, Лена не работает - она сидит с детьми. Лена не любит собак. Собаки гадят-говорит Лена. Хорошо, что я им сосисочки покупаю, внутрь отраву сую и угощаю. Я очищаю наш двор от говна, - гордится собой Лена. Все мысли Лены занимает грудь, она уже представляет как люди смотрят и завидуют. Чтобы приблизить цель Лена заказала купальничков на лето уже с учетом шестого

размера. Заказала, все понравилось. Лена обожает делать покупки и по интернету и так просто и в кредит. У Лены есть несколько шуб, но она в них ходит редко. Но они у нее лежат и тем самым приносят ни с чем не сравнимое тепло. Муж Лены тихий и начитанный человек. Он говорит, что грудь им не по карману. Лена выгоняла его из дома к свекрови, грозила разводом и тем, что он не получит детей. А потом взяла 300 тысяч кредита на грудь и губы. Потому что губы тоже не помешают. Лена ищет любовника. Лучше старичка, говорит Лена и хохочет. Лена попивает джин тоник. Не такой уж он и мерзкий, говорит Лена.

РАССКАЗЧИК. Дима кольцо ей протягивает.

НАДЯ. О, Серж, родной, гляди-ка! Вот и колечко мое вернулось. Я ж говорила, что вернется, никуда не денется. Димасик, гранд мерси.

РАССКАЗЧИК. Дима берет Надю на руки и несет в сторону дома своего. Но Надя выпрыгивает из его рук, как кошка.

НАДЯ. Нет, ты домашний, как майонез. А я дома сидеть не могу. А ты иди домой, Димасик.

РАССКАЗЧИК. Дима думает, а как бы на его месте поступил Чак Норис, возможно, что тоже пошел бы домой.

В это время Бабки устанавливают все больше правил, советов и рычагов управления. Бабки находят подход к каждому.

БАБКА. Эта икона сильная, её надо обязательно иметь в доме, а эта сжигает отрицательную энергию. Над входом - повесь "Семистрельную", она защищает. А нерушимая стена убережет твой дом от вора.

ДЕВУШКА. Купила у вас иконку, чтобы она мне помогла с экзаменами, а с ней ещё хуже стало.

БАБКА. А ты кто по гороскопу? Козерог? Значит, луна повлияла. Вон в гороскопе ж пишут: возможны проблемы со здоровьем. Ты звон колокольный послушай, он бактерицидными свойствами обладает. Равно как "Отче наш" и Крестное Знамение. Вчера с внуком ходила на крестный ход. И по дороге у сына Гавриловны, алкаша, икона несколько раз падала. Знамение! Может Господь нас о бедах предупреждает? В страшное время живем. Кстати, вы нигде в продаже не видели сухариков с мощами Тихвинских старцев? А то кости ломит как-то и в спине стреляет. Точно порча!

РАССКАЗЧИК. Все напоминало о Наде: бутылки, сигареты, мусорные баки. Забыть на время о Наде и ее гуманоиде Диме помогали он-лайн игры. Здесь был абсолютно другой мир, со своими правилами и словами. Никаких бомжей. А главное, что всё это дома, в его любимой квартире. Дима все еще не разобрал штаб, в нем он и стал играть онлайн.

ПОТНЫЙ 1. Кто хостит?

ПОТНЫЙ 2. Гоу пацаны я создал

ПОТНЫЙ 1. Постройте больше пилонов!

ПОТНЫЙ 2. Сука где твои крейсера меня зерги выносят.

ПОТНЫЙ 1. Гони своего рабочего на мою базу.

ПОТНЫЙ 2. А вот и бананы подоспели с судьями щас ебанем.

ПОТНЫЙ 1. Он в кишке гранату туда.

РАССКАЗЧИК. И Дима тоже становится потным орком. Сейчас невозможно установить сколько времени Дима провел вне реальности. Из компьютерной комы его вызволяет телефонный звонок.

ГОЛОС. Алло, Дмитрий? Дмитрий, у вас накоплена задолженность по кредиту. 105 тысяч рублей. И вернуть их надо в течение ближайшего месяца. Иначе, как мы ранее и сообщали, *(переходит на крик)* мы тебя из-под земли достанем, ты землю хавать сучара будешь, ты нам эти бабки сам на пузе принесешь *(возвращается к спокойному тону)* и пять процентов неустойки. Вам все ясно?

РАССКАЗЧИК. Зато у Бабок с деньгами все стало налаживаться. Они монополизируют все здравоохранение в городе и разрешают всем лечиться только постами и уринотерапией. Только Бабки имели право торговать мочой в трехлитровых банках.

БАБКА. Есть детская, есть взрослая. Есть фильтрованная, есть газированная. А вы мне зернышек киньте золотых да серебряных. Кукареку! Меняю здоровье на золото. Не стесняемся,

снимаем золото! И ты снимай, золото у меня украла, а ты серебро, серебро у меня украла. Кукареку, пидарасы, пока золото не отдадите - не успокоюсь! Зернышек мне киньте золотых да серебряных. Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет, а пока наоборот ччичичич знаешь дальше? Ни хуя не знаешь. Вас как зовут?

РАССКАЗЧИК. Дима молчит.

БАБКА. Я рождена 22 августа 1963, это перевёртыш. У меня папа водитель, близнецы. Таких людей возил! Я в бога, кстати, верю, меня бог спас. Со мной бабы знаешь, что творили? А я лаборант при правительстве Москвы. Так что паренек? Мочу покупать будешь?

РАССКАЗЧИК. Дима выворачивает пустые карманы.

БАБКА. Тогда бери в кредит!

РАССКАЗЧИК. Но с кредитами Дима завязал. Ему кровь из носу надо было вернуть деньги. Шурику было пофиг. Дима испробовал даже это. Он устраивается на настоящую работу, протягивает Шурику сильно исписанные листики.

ШУРИК (*читает по слогам*). А вы знаете, что это средство настолько натуральное, что его можно есть? (*Диме*) Чего несешь то? (*Читает без выражения*) Вы мне нравитесь, и я хочу вам предложить поучаствовать в нашей секретной акции. Всего за четыре тысячи рублей вы получите наш секретный набор. Средство для мытья посуды, шампунь, гель для душа, средство для мытья полов, стиральный порошок и еще одно наше секретное средство, даже говорить о нем нельзя. И все это в одном пятилитровом бутылке! (*С выражением*) Я хуюю. (*Снова без выражения*) И не забывайте, средство – съедобное.

РАССКАЗЧИК. Его-то они и едят, потому что средство для мытья посуды у Димы никто не покупает. Да еще и звонки от неумных коллекторов с требованием вернуть долг. Дима идет по объявлениям. В одном из таких приглашают стать «Финансовым консультантом».

ОБЪЯВЛЕНИЕ. Если ты молод, энергичен, хочешь быстро и много заработать – приходи.

РАССКАЗЧИК. Офис работы мечты располагался в здании бывшего мукомольного завода. В небольшом кабинете Диму встречают Четыре ингуша.

ЧЕТЫРЕ ИНГУША. По объявлению, да? Работать будем, да?

РАССКАЗЧИК. Дима кивает.

ЧЕТЫРЕ ИНГУША. А вот это мы проверим, как умеешь с клиентом общаться, да? Какие методы подключать умеешь, да? Едем с нами, да? Садись в машину под окном. Да не пугайся, катафалк и катафалк. По-братски достался, да?

РАССКАЗЧИК (*злоewe*). Дима и Четыре ингуша на колесиках едут по городу. Дима и Четыре ингуша на колесиках приехали в Димин район. Дима и Четыре ингуша на колесиках приехали к Диминому дому. Дима и Четыре ингуша на колесиках, уже возле Диминого подъезда. Дима и Четыре ингуша на колесиках поднимаются на Димин этаж.

РАССКАЗЧИК. Дима вопросительно смотрит на Четырех ингушей.

ЧЕТЫРЕ ИНГУША. Делай с ним, на что фантазии хватит. Долг отдаешь банку, да? Проценты и неустойка твои.

РАССКАЗЧИК. Поднимаются на этаж выше, подходят к Диминой двери. Четыре ингуша протягивают Диме пластиковую бутылку с жидкостью и спички.

ЧЕТЫРЕ ИНГУША. Обливай и поджигай.

РАССКАЗЧИК. Дима отталкивает бутылку.

ЧЕТЫРЕ ИНГУША. Ты че, друг, охуел? Хочешь, чтобы мы тебя в круг заротанили?

РАССКАЗЧИК. Дима снова чувствует себя незащищенным, как, тогда на стрелке. Он послушно обливает дверь из бутылки. Разносится запах керосина. Одновременно со щелчком зажигалки в замочной скважине проворачивается ключ, дверь открывает Шурик.

ШУРИК. Ептыть, Димка ты чего? Как бы на работу устроился, чтоб кредит выплатить?

РАССКАЗЧИК. Дима кивает.

ЧЕТЫРЕ ИНГУША (*Диме*). Так ты и есть этот чепушок! Пиши нам расписку долговую, а то заротаним. Пока не принесешь долг, считай, что гостеприимно пустил пожить в своем доме. У нас есть как раз двенадцать человечков, которым такая доброта по душе придется, да? Да.

ДИМА. ?

ЧЕТЫРЕ ИНГУША. Головка от хуя.

РАССКАЗЧИК. Дима пытается выгнать ингушей из квартиры, но тщетно. Ингуши уже расползлись по комнатам. Он открывает рот в бесшумном крике и плачет, хочет оттащить чужаков от стеллажа с чешским маминым сервизом. Диму, как следует, бьют и выкидывают из подъезда, вслед за ним из подъезда выходит Шурик.

ДИМА.?

ШУРИК. Что значит «нам куда»? Я в рейс!

РАССКАЗЧИК. Шурик уходит, Дима остается один.

В это время Бабки уже открыто демонстрируют свою силу. Силу био, силу Эрнста и силу святой троицы.

ВОДИТЕЛЬ. Бабуля, а билет у вас есть?

БАБКА. У меня пенсионное.

ВОДИТЕЛЬ. Так покажите.

БАБКА. А нет с собой. Дома забыла. Да какая разница! Так не видно, что я старая? А?

ВОДИТЕЛЬ. Положено пенсионное предъявлять. Или платите.

БАБКА. Ах, ты тварь, падаль, говно на колесиках! Пожилую женщину обижать вздумал?

РАССКАЗЧИК. Бабка достает из кармана жменю хлебных крошек и со злостью бросает в водителя. Оглядывается по сторонам и громко свистит. С разных сторон: с остановок и подъездов, с лавочек и прилавков к маршрутке сбегаются Бабки со жменями хлебных крошек. Одна за другой они кидают крошки в водителя. Мужчина пытается выбраться из-под хлебной кучи.

ВОДИТЕЛЬ. Вы что такое делаете?

БАБКИ. Гули-гули-гули-гули.

РАССКАЗЧИК. Слетаются голуби, набиваются в маршрутку (некоторые входят через дверь) и начинают клевать водителя. Он кричит, пытается выбраться, но снаружи двери запирают Бабки. Стук и хаотичные попытки освободиться заканчиваются, как только голуби добираются до глаз. Птицы мира, перепачканные кровью, рассаживаются на бездыханном теле водителя.

Бабки добились всего, что хотели: их любила и им доверяла власть. Бабкины капризы и желания становятся нормой. Ради Бабок в страну начинают ввозить святыне моги со всего мира. Чаще приезжает только цирк. К засохшим пальцам, ребрам и ушам выстраиваются очереди. Даже президент приходит им поклониться. Бабкам не приходится уже никого уговаривать или заманивать. И плевать всем, что, по количеству тех же ребер, некоторые святыне были удавы. Дальше случай в кинотеатре.

БАБКА. Это что у вас за кино такое?

КАССИР. «Король вечеринок», комедия смешная. Пойдете?

БАБКА. Ты охуел, что ли? А ничего, что там матерятся? А? Ты законов не знаешь? Кроме нас никому материться нельзя!

КАССИР. У нас запикано всё. Мы соблюдаем ваши законы.

БАБКА. А как собаке там дrouchат, это ж оскорбление царя!

КАССИР. Какого царя, бабушки?

БАБКИ. Любого. Всё, бабоньки! Заколачиваем! Вместе со всеми демонами, что смотреть на это блядство пришли. Именем господа и по поручению президента. Аминь!

РАССКАЗЧИК. Дима бродяжничает. Спит чаще всего в подвале своего дома, чтобы быть поближе к любимой квартире. Но еще больше Дима хочет встретить Надю и доказать ей, что он больше не домашний майонез или козий сыр. Он - мужик. Дима видел такое в кино и знал, что сердце его обязательно приведет к ней. Да и район у них не большой. Покровский парк. Вроде парк, а вроде и нет. Как вроде люблю, а вроде нет, вроде кончил, а вроде нет, вроде свобода слова, а вроде и нет, вроде парень, а вроде нет, вроде. От парка осталось только название, теперь здесь храм и лавочки для молящихся. Возле ворот Бабка и Женщина с двумя детьми, девочкой и мальчиком. Женщина грустная. Дети веселые.

БАБКА. Смотри, молитвы читай по пять, лучше по шесть раз в день.

РАССКАЗЧИК. Женщина кивает.

БАБКА. А дети тоже?

РАССКАЗЧИК. Женщина кивает.

БАБКА. Тогда семь раз читать надо. А как прочитаешь - постой немного, он должен сам с тобой связаться. Дать знак, а может и услышишь голос, как я.

РАССКАЗЧИК. Женщина кивает.

БАБКА. Лечение с небес – совсем другое, не то, что в больницах. Посмотри на меня, веришь?

РАССКАЗЧИК. Женщина кивает.

БАБКА. Он может с неба даже спустить специальный аппарат и начать лечить. Понимаешь?

РАССКАЗЧИК. Женщина кивает.

БАБКА. Но переливание крови делать все равно ни в коем случае нельзя. Сразу покарает! Только хуже сделаешь себе и семье своей. Поняла?

РАССКАЗЧИК. Женщина кивает.

БАБКА. Это грех великий. Но ничего-ничего, недолго нам терпеть осталось грешников этих, демонов в белых халатах. Запретить! Запретить! Запретить!

РАССКАЗЧИК. Даже космонавты сдались. В прямом эфире они подтвердили, что с орбитальной станции видны столбы света, которые идут от намоленных мест земли в бесконечный космос.

Перед тем как уснуть, Дима нарезает круги вокруг своего дома, чтобы вырубиться. Ночует в «колясочной» между шестым и седьмым подъездом. Ему снится Покровский парк. Но без храма и Бабок, а с качелями, аттракционами и зелеными аллеями. Дима сидит на качеле, рядом мама, она, кажется, Диму любит. В кармане куча пластмассовых солдатиков, они вываливаются, близится новая война, а ему смешно. Маме не очень.

МАМА ДИМЫ. Ты хочешь на колесо обозрения?

РАССКАЗЧИК. Дима кивает.

МАМА ДИМЫ. Говно это, а не колесо. Ржавое всё, вот подохнем из-за колеса – будут знать. Пойдем, чтоб тебе стыдно было.

РАССКАЗЧИК. Дима и Мама поднимаются на колесе в желтой кабинке. Сверху видно море и город. Дима машет всему городу с высоты, он толкает в бок маму. Мама отмахивается.

МАМА ДИМЫ. Пойдем отсюда, не весело это. А мне поржать хочется. В комнату смеха надо.

РАССКАЗЧИК. В комнате смеха Дима смотрит в зеркала, видит свое глупое, искаженное лицо. Кривые морды - это страшно, страшно, страшно. Дима дергает маму за пальто и просит ее пойти домой. Мама кивает. В трамвае солдатики в кармане оживают. Дима и мама едут в дребезжащем трамвае, послеобеденное солнце роняет блики на спинки кресел, покрытые коричневым дерматином. Солдаты оживают, а война не начинается. В шесть утра Диму в подъезде расталкивают.

БАБКА. Пшел отсюда, бомжара сраная. Я тебя здесь еще раз увижу – башку отрежу. Ишь взял моду ссать мне под дверью.

РАССКАЗЧИК. Бабка задирает юбку, садится и мочится на пол подъезда.

БАБКА. Ну, вот же, нассал. Да как много! Не попадайся мне на глаза, ублюдок, ссыкун!

РАССКАЗЧИК. Дима выходит из подъезда. Стоит у входной двери, вспоминает, как однажды он взял у мамы деньги на шоколадку, чтобы самому сбегать к киоску и купить. Рука с золотыми кольцами из маленького окошечка затягивает деньги и выдает шоколадку «Виспа». Дима бежит домой, снимает упаковку, под ней покрытая бело-зеленой плесенью плитка. Через 5 секунд у киоска.

МАМА ДИМЫ. Это скотство. Оборзели? Деньги верните!

ПРОДАВЩИЦА. Пошли на хуй, попрошайки.

РАССКАЗЧИК. Мама Димы разбивает локтем стеклянное окошечко, хватается продавщицу за ноздри, вытягивает на улицу. Подкидывает ее два раза вверх, один раз прыгает на нее сверху. Другими словами ВПЕРЕД, ВПЕРЕД, НАЗАД, ВНИЗ, (Х). Диме всегда казалось, что это было на самом деле. А продавщица извиняется и дает ему сразу две шоколадки.

Днем Дима ходит от свалки к помойке, от помойки к кормежке, от подъезда к уличным туалетам. Дима снова в Покровском парке снова видит Бабку. Она командует грузчиками, которые заносят в храм гробы. Один большой и два маленьких.

БАБКА. Видать, не часто молилась. И не помогло. Детей жалко, но так и они не молились.

РАССКАЗЧИК. Звонит колокол и все Бабки одновременно садятся на колени, хором начинают молиться. Некоторые мажут губы свиным салом. Говорят, так молитва доходит «как по маслу».

Однажды к Диме приходит пёсик с тремя лапками и одним глазом. Дима не знает, как назвать песика, пока тот не начинает пытаться изнасиловать Диминоу ногу. И имя «Пися» приходит само собой. В «Пятерочке» девочки-промоутеры с поролоновыми ушами раздают кошачий корм в пачках. Крем-суп с курицей и ягненок с говядиной.

ПРОМОУТЕРЫ. Возьмите для друзей!

РАССКАЗЧИК. Дима думает, что это хороший слоган. А девочки говорят, что у них осталась целая коробка и они хотят отдать ее Диме. Но только, если Дима поделится с котами на улице. По мнению Димы, так в кошачьем корме не хватает соли. А потом они всю ночь кормят кошек. Самые худые кошки – у общежитий на Гоголя, самые упитанные – у Некрасовского рынка. Утром.

БАБКА. Опять в наш подъезд срать пришел? Еще и собаку привел? Заразить нас хочешь чумой!

РАССКАЗЧИК. Дима отрицательно мотает головой. Пытается подняться с картонной лежанки на полу, Бабка пинает его ногой в живот.

БАБКА. А ну лежать! Куда пошел, гнида. Спал тут один такой же. Так мы псину отравили и в люк бросили. Потому что нечего срать тут! Я бы и таких, как ты бомжей отравленными сосисочками кормила, чтоб чище воздух был.

РАССКАЗЧИК. Диме, все-таки удастся встать с пола, увернувшись от очередного удара Бабкиной ноги. Он вцепляется в ее горло и начинает душить.

БАБКА. С-с-с-с-с-с-с-скотинаааа. Хуй моржовый - морж хуевый! Отпусти! А я тебе расскажу, где шалава твоя обитает. Только отпусти!

РАССКАЗЧИК. Дима ослабляет хватку, Бабка, матерясь, продолжает сипеть.

БАБКА. А прощелыгу свою ищи где-нибудь у еды, она же, как крыса.

ДИМА. М?

БАБКА. Тебя может проводить? На кольце бывшего 7-го трамвая, от ж/д вокзала вперед до упора, не промахнешься. Там бомжей кормят и христиане кормят, и кришнаиты, по очереди *(Бабка убегает и хлопает дверью)*.

ЛЕНИН. У-лала, товарищи. Эта бородавочная Бабэтта во мне кое-что пробуждает, а в тебе? Надька такая же будет в старости? Так какая разница? Чего ждать? Давай эту дернем на двоих? По рукам? Удобно Надежда твоя устроилась, ебется с бомжами, а ты свой хуй в коробочку положи? Ну уж нет. Мы свой хуй не на помойке нашли. Хотя и рискуем там его потерять.

РАССКАЗЧИК. Дима встречает Надю. Она выходит из черного джипа, за рулем которого сидит дорогой одетый мужик с золотыми зубами. У Нади нарощенные розовые волосы, короткий топик, проколотый пупок, а кожа вся в автозагаре. Кислотного цвета стринги торчат из-под очень низких штанов. Надя накидывает на плечи леопардовую шубку. Дима смотрит на нее с недоумением и мычит.

НАДЯ. Йоу, чего мычим? Не понимаешь? Это мой протест в стиле хайтек. Против самой себя. Мне знаешь, как мерзко в этом всем? Знаешь, как я сама себя бешу?

РАССКАЗЧИК. Дима кивает.

НАДЯ. Ой, да что ты киваешь всё, да киваешь. Я употребляю все подряд: порно, ужасы, политику, тупые предрассудки общества, рекламу, дешевое музлю, дерьмовый кинематограф и христианскую попсу. Это моя всепоглощающая булимия мозговая. И я знаю, что это не предел, что я только в начале своего пути. А ты *(принюхивается)* почему так воняешь? Ты что бомж?

РАССКАЗЧИК. Дима кивает.

НАДЯ. И ты, типа, самостоятельный?

РАССКАЗЧИК. Дима улыбается и кивает.

НАДЯ. И вот пришел ко мне и говоришь: я Дима, я бомж. Пойдем со мной?

РАССКАЗЧИК. Дима кивает.

НАДЯ. И жить без меня не можешь и стареть хочешь со мной и станем мы бабка и дедка.

РАССКАЗЧИК. Дима кивает.

НАДЯ. Считаешь, что с тобой мне будет лучше? Знаешь, Дима, помню я одну такую женщину, которая считала, что знает, как мне лучше. Приду на кухню, а мама стоит и суп варит. Скоро супчик, Наденька, говорит (*ускоряет темп речи*), а сама в кастрюлю бросает мусор из мусорного ведра, плюет туда и перемешивает, солит, пробует. Наденька, спрашивает, ты ручки мыла? Покажи. А почему это у тебя пальчики около ногтей сгрызанные? Ты не хочешь нравиться мальчикам? Рэд, Рэд, иди сюда (никто не приходит). Смотри, ее пальчики, любит их грызть. Совсем не хочет нравиться мальчикам. Любишь грызть до мяса? Рэд! Она любит грызть до мяса, Рэд, ну смотри. Не хочет, нравится мальчикам. Сейчас ты у меня погрызешь. До мяса, как ты любишь. На кухню заходит Рэд. Он приносит замороженную коровью тушу. (На самом деле никто не заходит, мама берет тушу из морозилки). Кладет ее передо мной и говорит: грызи, Наденька. Я отвечаю, что не буду. Мама говорит, что так будет лучше и сегодня туша ночует с Наденькой. И с ней можно грызть кожицу. Пальчики зато будут целы, мальчикам буду нравиться, мама знает, как лучше. Моя мама начинает мять свою грудь, хохочет, садится на стол и начинает себя тереть. Она засовывает в себя скалку и кричит Рэд, О, Рэд, только не говори Эшли. Дверь на кухню запирают. Понимаешь? Вот такие унесенные ветром, вот такое кино.

РАССКАЗЧИК. Дима кивает. Надя разочарованно машет рукой и уходит к джипу, о чем-то импульсивно разговаривает с сидящим за рулем мужчиной. Девушка много жестикулирует. Несколько раз указывает пальцем в сторону Димы и подкрепляет рассказ неприличными жестами, про оральный секс. Мужчина выходит из джипа, стремительно приближается к Диме. Мужчина хватает его за руку, заламывает и валит Диму на землю. В первые же секунды ему пару раз прилетает ногой под дых. Дима сипит, но ползет в сторону джипа с Надей. Удар в висок и он теряет сознание.

ЛЕНИН. Ну и стрёмную же бабенку ты себе выбрал. Главное, еще имя у нее как у моей Надежды Константиновны Крупской. Знатная была поебуха. Так ты, поэтому ее выбрал? Извращенец! Хочешь ее дернуть в память о Крупской? Или как из «Иронии судьбы». Я бы Брыльску дернул, а ты бы кого? Ахеджакову?

РАССКАЗЧИК. По городу плывет крестный ход в честь Дня борьбы с ДТП. 333 ГАИшника с белой кобурой на поясе, кислотно-зеленых жилетах и кокардами на лбах маршируют с иконами и хоругвями в руках. Впереди идут попы с кадилами и распевают псалмы. Спотыкаясь о колдобины, гаишники что-то бубнят себе под нос, ожидая чуда и нового асфальта. На самых опасных и аварийных участках процессия останавливается, чтобы помолиться и поставить свечи. По телевизору так и сказали: цель этого мероприятия – снижение числа аварий на дорогах страны. Во время таких привалов Бабки выходят в оцепление и закрывают периметр, чтобы не подпустить посторонних. Одна из таких патрульных Бабок замечает лежащего в кювете Диму.

БАБКА. Эй, козлина, чего развалился? Глаза открывай свои, пьянь! Это не ты, случайно у нас во дворе всех кошек пожег? Похож! Нельзя тут валяться!

РАССКАЗЧИК. Дима с трудом открывает глаза и пытается, как в детстве, согнуть Бабку взглядом, словно вилку. Но ничего не выходит.

БАБКА. Чего ты пыришься на меня? Можешь даже не пытаться. Глушилки кругом, слышал? На, салом губы помажь и молись о новом государстве. На.

РАССКАЗЧИК. Дима отталкивает сало и Бабку. Бабка верещит как сирена. Трехногий Пися съедает сало. Дима собирается силами, встает и бредет в сторону дома. А Крестный ход идет к морю. Дима то громко, то бубнит «сука сука сука блять, сука сука сука блять, сука сука, сука блять, сука сука сука блять, сука сука сука блять, сука сука сука блять, сука сука сука блять», что означает «Бабушки, ну что же вы такие злые, вы же бабушки».

ДИМА (*все медленнее и медленнее*). Мама всегда повторяла, что с районом нам повезло. И тебе, Пися, повезло. С нашего дома видно другие сопки. Те, что внизу. А еще видно море. Внизу тюрьма. У нас даже пословицу придумали, ночуя в большом доме напротив тюрьмы, главное – не оказаться в маленькой тюрьме напротив дома. Зарешеточный серый квадрат с колючками – думал я в детстве. Мама всегда пугала меня этой тюрьмой. Туда забирали тех, кто плохо ест суп и ковыряется в пюре. Вот такие страшные люди там сидели. А еще, Пися, я вдруг почувствовал.

(Пауза) Сейчас мы придем домой, а там мама моя вернулась. А потом и Шурик. Они будут спорить о том, что Шурик любит речную рыбу, потому что вкуснее хуя на своей Украине ничего не ел. А потом он покажет маме, какой он сделал из спичек макет Нью-Йорка. С башнями-близнецами и маленькими ньюйоркцами. Они ходят под небоскребами, своими спичечными ногами. И мама, так удивится, а Шурик даст ей маленький самолет из спичек, а второй возьмет себе. Скажет: «Смотри, они как настоящие» и начнет бомбить и рушить башни. А потом и мама моя с подтянутым лицом и силиконовыми губами (ей их Джеффри помог сделать) начнет кричать «ненавижу америкашек». За несколько минут они не оставят ни одного спичечного человечка. А тебя, Пися, отравит Бабкина сосиска с ядом. Убьет тебя за сорок минут, ты будешь страдать, вернее твое тельце будет страдать и содрогаться тысячу раз, а мозг впадет в кому уже минут через пятнадцать. Прости, Пися, это я буду виноват, я не досмотрю. Друзья должны друг за другом присматривать. Район оказался не такой уж и хороший для тебя. Помнишь, как мы раздавали кошкам корм? Самые худые кошки – у общежитий на Гоголя, самые упитанные – у Некрасовского рынка. А потом ты так тихонечко завоеешь и оторвешься и побежишь, зарычишь и как в кино: «засветление, затемнение, засветление». Если тебе интересно, то я расскажу, почему я не досмотрю за тобой. Мы пойдем и сядем на лавку, и выйдет Бабка. Она будет орать, чтоб мы с тобой сдохли или она сейчас свиснет своих и нас с тобой не соберут. Я буду сидеть и смотреть на ее губы, они такие потрескавшиеся, а помада красная забилась в трещины. Над губами трясутся щеки, я сразу вспомню старуху Изергиль из школьной программы, с ее черными ямами щек. Бабка будет орать все время, что я сижу на лавке. А я сижу и глажу тебя, Пися. Я буду гладить тебя, а ты будешь сидеть под лавочкой. Я долго тебя глажу, а потом я увижу тебя сидящим напротив. А кого же тогда я глажу под лавкой? Кто столько времени заменял мне лучшего друга? Бабка дернет меня за капюшон, я буду сидеть и даже не дернусь. А потом пробьет церковный колокол и Бабка от меня отстанет. Она встанет на колени, намажет губы салом и начнет читать молитву. Она бубнит и сливается с толпой, собирается в толпу и с толпой бубнит. Бабка будет сидеть к нам мощной спиной. Я все еще глажу тебя, Пися, помнишь? А ты сидишь напротив. Я глажу кирпич. Я возьму этот кирпич, замахнусь и ударю. Знаешь Пися, почему еще я за тобой не услежу? Потому что я женюсь и заведу ребенка. Но оказалось, что счастье, повторяющееся изо дня в день не счастье, а рутина. А еще появятся телефоны, в которых можно без компа лазить в интернете. Да и сам интернет и я сам уже станем совсем другими. Мы будем ходить с женой на тренинги типа «счастливым родителем», «трехлетний гений», «как воспитать успешного ребенка», «воспитание лидера» и другие. Пока мы будем ходить по тренингам, наш ребенок будет сидеть с чужой теткой. А ученые давно установили, что плохие родители компенсируют свое внимание игрушками. Я подумаю, что это хуйня, а на следующий день всего пять минут просижу со своим ребенком, который кажется, развивается медленнее, чем надо. Я побуду с ним вдвоем в комнате пять минут и уйду. А на следующий день у него появится самая большая в детском садике железная дорога. А я больше не буду заходить в комнату. Там будет няня. А моя жена любит фотосессии. Она делает по две фотосессии в месяц. Она будет то фея в пышном платье, то озорная морячка. Она будет выставлять фотку и ждать комплиментов от чужих людей “какая красotka”. После родов она станет делать фотосессии и для нашего сына. Потом мы заметим, что наш сын отстает в развитии. Он бегают, все рушит и никого не слышит. Жена закажет двойную фотосессию: будто она Белоснежка, а сын - один из семи гномов. Все напишут «какие милашки». Наш ребенок перестанет закрывать рот, губа нижняя отвиснет, он все время будет сосать чупа-чупсы. В это время Надя на маникюре или фотографируется. Сын сосет сто чупсов. Только, когда он их сосет, он не будет орать. Нам так сильно надоест его крик. Зато у жены снова фотосессия. Она будет принцессой из Диснея, ей надо готовиться. Жена узнает, что я ей изменяю на работе со своей секретаршей. Она ничего не скажет мне об этом, а просто попросит устроить семейную фотосессию, где я, она и сын в одинаковых свитерах, будем держать усики на палочке и «кусать» пластиковые фрукты. А в комментариях нам напишут: какая счастливая семья. Но я не услежу за тобой намного раньше, сегодня. Потому что сейчас мы с тобой сядем вот на эту лавочку. Помнишь? Я гладил кирпич, вернее тебя, но ты сидел

передо мной. И Кирпичом хотел я бросить в орущую Бабку. И вот будем мы сидеть с тобой, вот здесь, прямо на этой лавочке, а мимо пройдет Баб Зина и попросит: сынок, помоги сумки до дома донести. А я ей отвечу, а чего такие тяжелые? А она мне: это еще легкие, пирожки с мясом распродала. Вот поэтому я не услежу за тобой, друг. Потому что Баб Зина попросит занести ее тяжелые сумки в квартиру. А потом она попросит меня, сесть в кресло и я сяду. Она дернет рычаг и я провалюсь в ее огромную мясорубку. Баба Зина пустит меня на фарш. Баб Зина меня съест, друг. Вот почему я не услежу за тобой. О, Баб Зина! Здравствуйте!

РАССКАЗЧИК. Дима жил в городе, город был на краю. Колчак здесь ночевал не один. А Моэм в столовой на ЖД вокзале год ждал заказанный борщ. Город лежал на берегу Японского моря, в которое много-много лет и спускал всю свою канализацию. Рыбы морщились и переставали тут нереститься. Люди морщились, но продолжали.

Конец

Ноябрь 2017 года